

СБп

Ликутей сихот по-русски

Беседы Любавического Ребе

Беѓар

Том 17, беседа 2

Главный редактор проекта: р. Шевах Златопольский

Перевод: р. Дан Златопольский

В заслугу посланников Любавического Ребе

1.

Рамбам пишет о заповеди давать покой земле и не обрабатывать ее на седьмой год¹: «Предписывающая заповедь – отдыхать в седьмой год от работ по обработке земли и плодовых деревьев, как сказано² “И будет земля отдыхать в субботу Г-спода“, и сказано³ “от пахоты и жатвы отдыхай“». Известно углубленное галахическое исследование: заключается ли заповедь в том, чтобы отдыхала **земля**, как следует из стихов в нашей главе⁴: «Пусть празднует **земля** субботу Г-споду... в седьмом году суббота прекращения трудов будет для **земли**... год прекращения трудов будет для **земли**», и как пишет сам Рамбам⁵ – «чтобы отдыхала **земля** на седьмой год от работы»; или же заповедь в том, чтобы **человек** отдыхал от обработки земли, как пишет стих «в пахоту и в жатву **отдыхай**». Рамбам пишет: «**Отдыхать** от обработки земли и деревьев».

[Что касается запретов, связанных с темой – «**поля своего не засеивай**, и плодов винограда **своего** не

собирай»⁶ - ясно, что они относятся к человеку – «чтобы не обрабатывал землю в этот год»⁷].

Практическая разница между этими двумя сторонами: если заповедь в том, чтобы отдыхала земля, принадлежащая еврею – нет разницы, кто будет обрабатывать землю. Даже если землю еврея будет обрабатывать нееврей – владелец земли нарушит повелевающую заповедь. Если же заповедь заключается в том, чтобы не работал человек, то при работе нееврея запрет не нарушается.

2.

Подобно этому есть исследование и относительно другой повелевающей заповеди седьмого года – «А в седьмом году отреси ее и оставь ее»⁸. Относится ли эта заповедь к человеку – должен ли он отказаться от всего, что вырастет, как пишет Рамбам⁹ «отречься от всего, что вырастит земля в седьмой год»; или же это является «повелением Царя»¹⁰ - сама Тора не считает плоды владением человека, и ему

¹ Начало законов седьмого и юбилейного годов.

² Беѓар, 25:2.

³ Тиса, 34:21.

⁴ 25:2-5.

⁵ Первая заповедь законов седьмого года.

⁶ 25:4.

⁷ Рамбам, вторая заповедь законов седьмого года.

⁸ Мишпатим, 23:11.

⁹ Законы седьмого и юбилейного годов, гл. 4, галаха 24.

¹⁰ Бава Мециа, 39а.

не нужно предпринимать для этого никаких действий.

Практическая разница выражается в случае, при котором человек осмысленно не отрекается от плодов (запирает виноградник и огораживает поле): если обязанность отречения лежит на человеке, то (хоть он и нарушил повелевающую заповедь, все же) другим людям запрещено брать плоды, принадлежащие ему. Если кто-либо возьмет эти плоды себе – это будет считаться кражей. Если же плоды прекращают быть собственностью человека по «велению Царя» - любому можно ими пользоваться, вне зависимости от разрешения владельца.

Еще одна практическая разница: от плодов седьмого года не требуется отделять десятину, поскольку они никому не принадлежат. Если обязанность отречения лежит на человеке, и он не выполнил её, и не отрекся от плодов (огородил поле) – он обязан отделить от них десятину. Если же плоды прекращают считаться его имуществом, то он свободен от обязанности отделять десятину, вне зависимости от своих действий.

3.

Но можно сказать, что от плодов не требуется отделять десятину, даже если отречься следует человеку, и он этого не сделал. Сама обязанность отречься от этих плодов (даже если человек ее не исполнил), освобождает человека от обязанности десятины.

Объяснение в следующем: в предыдущие шесть лет относительно десятины существовали различия – в первый, второй, четвертый и пятый годы отделялась вторая десятин (которую следовало принести в Иерусалим), а в третий и шестой вместо нее отделялась десятин бедняку. Причина подобного распределения заключается в том, чтобы человеку не пришлось отделять все виды десятин каждый год. И все же нигде не сказано, что если человек не отделил второй десятины в первый год, ему следует отделить вместо нее десятин бедняку. Причина в том, что сам **урожай** первого года не имеет отношения к десятине бедняку, на нем нет этой обязанности.

Подобное можно сказать и об урожае седьмого года. Тора повелела отречься от плодов и от урожая этого года. Следовательно, в **этот год** нет обязанности отделять десятину, даже если человек отрекся от урожая.

4.

Из слов *Мидраша* можно привести доказательство стороне, согласно которой плоды прекращают считаться имуществом человека по велению Царя. О словах стиха¹¹ «Крепкие силой, исполняющие слово Его, повинующиеся голосу слова Его» *Мидраш* пишет – «Это говорится о соблюдающих седьмой год. Почему они зовутся “крепкими силой”? Видят поле свое **ничейным**, и деревья свои **ничейными**, и заграждения проломаны, видит, как другие люди едят его плоды, но принуждает свое желание, и не говорит». Из слов «**видит** поле свое **ничейным**, и деревья свои **ничейными**» следует, что они становятся **ничейными** сами собой, по велению Царя, а не потому, что владелец от них отрекся.

Но все же (с натяжкой) можно сказать, что это не является доказательством. *Мидраш* описывает **фактическое** состояние – «поле свое **ничейным**, и деревья свои **ничейными**» - но не упоминает, почему они стали такими. На самом же деле, они стали **ничейными**, поскольку сам человек от них отрекся. Теперь же он «**видит**» в **действительности**, воочию

последствия своего поступка – поле и деревья являются **ничейными**.

5.

Можно привести доказательство стороне, согласно которой отречение от плодов является следствием отречения человека (которое он обязан совершить), а не следствием «воли Царя»: прекращение работы в поле и отречение от него уподобляется погашению долгов на седьмой год («отречению от денег»). «“И это есть отпущение: отведет...” – стих пишет о двух видах отпущения: об отпущении земли и об отпущении денег. В те времена, в которое отпускаешь землю – отпусти деньги...»¹². [Это является лишь мнением Раби, но не мнением мудрецов. Все же, их разногласие относится только ко временам, в которые «отпускают землю», но не к самому сравнению между отпущением земли и отпущением денег].

В трактате *Швиит* об отпущении (погашении) долгов сказано следующее¹³. «Тот, кто возвращает долг в седьмой год (после его отпущения), пусть скажет ему (кредитор) “отпускаю я”. Если сказал

¹¹ Теѓилим, 103:20.

¹² Гитин, 36а.

¹³ Гл. 10, мишна 8.

ему (должник) “все же (возвращаю я долг)”, пусть примет у него, как сказано “И вот закон отпущения”». Если отпущение долга происходит по велению Царя, то непонятны слова *мишны* «возвращающий долг» и «отпускаю я», а также непонятно, каким образом должник желает «все же» вернуть долг. Ведь долг прекратил существовать сам собой!

Более того: если по закону Торы седьмой год гасит и аннулирует все долги, то должнику должно было бы быть запрещено совершать обратный поступок, противоречащий закону Торы – возвращать деньги в качестве **долга**. Но *мишна* постановляет обратное – это не просто разрешено, но и «угодно мудрецам»¹⁴!

Из всего этого следует, что отпущение денег на седьмой год происходит не по велению Царя, долг не **прекращает существовать** сам собой. **Человек** обязан отпустить долг, и к тому же он не аннулирует его полностью. Он лишь «отпускает» его, не требует его возвращения.

[Таким образом, понятны слова Рамбама¹⁵: **«Повелевающая заповедь – отпустить долг на**

седьмой год, как сказано...». Отсюда следует, что отпущение долгов является обязанностью, что оно не происходит само собой по велению Царя].

Также станут понятными и следующие слова Рамбама¹⁶: «Кредитор обязан сказать возвращающему долг “Я его отпускаю, и ты уже освобожден от выплаты мне”. А тот отвечает “Несмотря на это, я хочу, чтобы ты получил”. Пусть получит от него, поскольку сказано “Не требуй”, а он не требовал». Заповедь и обязанность кредитора заключается в том, чтобы не требовать долг. Это не является запретом, который включен в тему отпущения долгов, а является исполнением обязанности отпущения, исполнением повелевающей заповеди. Так пишет и *Хинух*¹⁷: **«Отпускать долги»** - прекращать требовать их возвращения. Это следует и из слов стиха¹⁸: «Отведет всякий заимодавец руку свою от того, что даст в долг ближнему своему. Не **взыщи** с ближнего твоего и с брата твоего... а от того, что (следует) тебе с брата твоего, отведи руку твою».

¹⁴ *Мишна 9.*

¹⁵ *Законы седьмого и юбилейного годов, начало 9 гл.*

¹⁶ *Там же, ѓалаха 28.*

¹⁷ *Заповедь 477.*

¹⁸ *Ръэ, 15:2.*

Кредитор обязан прекратить взыскание долга. Следовательно, прекращается обязанность должника выплатить долг (поскольку требование кредитора и обязанность должника взаимосвязаны). Это выражено в словах Рамбама: **«Я его отпускаю, и ты уже освобожден от выплаты мне»** - должник освобожден от обязанности по отношению к **кредитору**. Отмена обязанности выплачивать долг касается лишь обязанности должника по отношению к кредитору, но имущество должника все еще остается обремененным, поскольку долг не прекратил существовать.

Таким образом понятно, почему по мнению большинства законоучителей (кроме одиночного мнения *Йереим*¹⁹) на должнике не лежит **заповедь** возвращать долг кредитору, после того как приходит седьмой год (даже до того как кредитор сказал «отпускаю я»). Но все же он зовется «возвращающим долг» - хоть и освобожден от обязанности выплаты долга, сам долг продолжает существовать, он не отменяется. Другими словами: когда он взял в долг, часть его имущества стала **подобна** имуществу кредитора.

Сложно сказать, что речь идет о правиле, согласно которому «выплата долга является заповедью», подобно тому, как некоторые комментаторы хотят объяснить смысл *мишны*. Ведь лишь согласно единичному мнению, на должнике лежит обязанность выплатить долг кредитору (если тот не сказал «отпускаю я»). Кроме того, если бы выплата являлась **заповедью** (даже если она являлась бы постановлением мудрецов) – то она являлась бы **обязанностью**. Про нее нельзя было бы сказать лишь, что «это **угодно** мудрецам».

6.

Логично предположить, что покой земли обладает определением, подобным отпущению долгов, - оба они называются словом *шмита*. Особенно учитывая, что оба подразумеваются под словами «Вот закон отпущения» [Рамбам пишет об этом в Книге Заповедей, говоря о заповеди отпущения долгов – «Слова *Тосефты*: “Стих говорит о двух видах отпущения – об отпущении земли и об отпущении денег“»]. Из слов «Вот закон (*двар*) отпущения» также следует, что заповедь заключается в том, чтобы человек **произнес** (*дибур*) об отречении, чтобы он отрекся от владения землей.

¹⁹ Гл. 278.

Различие между отпущениями заключается лишь в следующем: отпущение долгов означает, что кредитору запрещено требовать возвращение долга, но сам долг продолжает существовать, имущество остается обремененным. Но про землю сказано «А в седьмом (году) отрекись от нее и **оставь** ее» - плоды и урожай становятся совершенно ничейными.

7.

На основе этого объяснения слов «Когда человек возвращает долг на седьмой год – это угодно мудрецам», станет понятной *мишна* в завершении трактата *Швиит*: «Берущий в долг у *гера*, сыновья которого также приняли *гиюр*, может не возвращать долг сыновьям, а если вернул – это угодно мудрецам. Все предметы покупаются посредством *мешиха* (передвижением предмета покупателем), а когда человек держит свое слово (и не меняет своего решения относительно покупки говоря, что еще не было совершено действие *мешиха*) – это угодно мудрецам».

Эти два закона связаны с предыдущим законом [«Когда человек возвращает долг на седьмой год»] не только потому, что

исполнение всех трех поступков угодно мудрецам, но и потому, что они схожи **причиной**, по которой они угодны мудрецам:

Человек не обязан возвращать долг с приходом седьмого года. Обременением обладает лишь его имущество, и потому возврат долга является лишь «угодным мудрецам». То же и относительно двух следующих случаев: человек не обязан возвращать долг сыновьям *гера*, а также у продавца нет обязанности по отношению к покупателю (пока тот не совершил формальный акт приобретения, *киньян*, к примеру, посредством приподнимания приобретаемой вещи или притягивания ее к себе, *мешиха*). В данных случаях есть лишь обременение имущества, и потому о них сказано лишь «угодно мудрецам».

Следует добавить: как правило, сначала *мишна* упоминает о более простом для понимания законе, а затем о более сложном и особенном. Следовательно, так упорядочены и три случая *мишны*: – в каждом последующем случае есть особенность в том, что касается «угождения мудрецам», которой нет в предшествующем случае.

8.

Это станет понятным при помощи уточнения в *мишне*:

Во втором случае: зачем *мишна* пишет «не обязан возвращать долг сыновьям *гера*»? Ведь достаточно было бы написать «Берущий в долг у *гера*, сыновья которого также приняли *гиюр*, и вернул долг сыновьям – это угодно мудрецам». Из этих слов уже следует, что нет **обязанности** возвращать долг сыновьям.

В третьем случае: «Все предметы приобретаются посредством *мешиха*, когда же человек держит свое слово – это угодно мудрецам». Непонятно (как спрашивают комментаторы): *мишна* говорит о достоинстве держать слово в общем, поскольку здесь не место писать о законах купли-продажи. С другой стороны, сдержать слово возможно не только при покупке предметов (но и при покупке земли). Зачем же *мишна* все же упоминает закон – «Все предметы покупаются посредством *мешиха*»?

Объяснение в следующем.

Смысл слов «угодно мудрецам» означает – «он любим мудрецами за это, совершенный поступок является подобающим в их глазах». Мудрецы любят человека не только за то, что

он совершил **стороннюю** заповедь, или избежал неподобающего поступка (хоть он и не был обязан этого делать), а главным образом потому, что принес пользу ситуации своим поступком.

В данном случае речь идет об одалживании денег: мудрецам угодно, что человек совершил хороший поступок, который имеет прямое отношение к самому долгу (а не к сопутствующей доброте).

В одалживании денег (а также покупке) есть несколько элементов: 1) Кредитор; 2) Должник; 3) Деньги, которые создают связь между кредитором и должником.

Когда человек возвращает долг в седьмой год, мудрецам угодно связанное со всеми тремя составляющими:

- 1) **Кредитор** получает деньги обратно. Одолжив другому еврею, он исполнил заповедь, и потому мудрецам угодно, когда долг возвращается – таким образом, кредитор не понесет убытка вследствие исполненной заповеди.
- 2) **Должник** получил пользу от кредитора. Мудрецам угодно, когда он отвечает добром за

добро, и возвращает долг [помимо того, что возвращение долга является пользой самому должнику – таким образом, он сможет вновь одолжить деньги в случае надобности].

- 3) **Деньги долга:** имущество должника остается обремененным (даже когда на самом должнике не лежит обязанности вернуть долг). Потому мудрецам угодно, когда долг выплачивается.

9.

Второй случай, упомянутый в *мишне* – «Берущий в долг у *гера*, сыновья которого также приняли *гиюр*, может не возвращать долг сыновьям, а если вернул – это угодно мудрецам». И в данном случае мудрецы получают удовольствие не от посторонних причин (к примеру, поскольку возвращение долга предотвращает возвращение сыновей, принявших *гиюр*, к чуждой вере), но и от пользы, связанной с самим долгом. Но здесь это относится лишь к двум составляющим: к должнику и к деньгам долга.

- 1) После смерти *гера* на должнике не лежит

обязанность возвращать долг. Но все же, *гер* совершил для него добро, одолжив деньги, человек взял у него долг с намерением вернуть. Потому возвращение долга является хорошим поступком, который угоден мудрецам.

- 2) **Деньги долга:** долг вернуть некому, поскольку заёмщик умер. Но имущество остается обремененным, и потому правильным поступком будет вернуть долг. Деньги имеют определенное отношение к сыновьям *гера* (не получив их назад, они могут вернуться к чуждой вере), и потому когда человек возвращает им долг – это угодно мудрецам.

Но в данном случае нет хорошего поступка, связанного с кредитором, поскольку тот умер, а сыновья не наследуют полагающийся ему долг, они не становятся кредиторами вместо него.

Таким образом понятно, почему *мишна* пишет «(Берущий в долг у *гера*, сыновья которого также приняли *гиюр*), может не возвращать долг сыновьям», хоть это и само собой понятно из последующих слов – «если вернул – это угодно мудрецам». Этими

словами *мишна* подчеркивает, что между **должником** и **сыновьями гера** нет связи не только со стороны закона (поскольку сыновья не считаются кредиторами, и потому у должника нет обязанности по отношению к ним), но и со стороны того, что «угодно мудрецам».

На основании этого объяснения понятна особенность второго случая *мишны* (берущий в долг у *гера*) по сравнению с первым (возвращающий долг в седьмой год): мудрецы получают удовольствие, не только когда хороший поступок выражается во **всех трех** составляющих одалживания (как в случае возврата долга на седьмой год), но и когда он выражается лишь в двух деталях.

10.

Третий случай *мишны* – «Все предметы покупаются посредством *мешиха* (передвижением предмета покупателем), а когда человек держит свое слово (и не меняет своего решения относительно покупки, утверждая, что еще не было совершено действие *мешиха*) – это угодно мудрецам». Как и в предыдущих случаях – мудрецы получают удовольствие не только по посторонней причине (верность своему слову), но и из-за пользы,

связанной с приобретаемым предметом.

Но в данном случае хороший поступок имеет отношение лишь к самому предмету, а не к покупателю и к продавцу.

Покупатель не совершил акт приобретения предмета, и потому (даже если он дал продавцу деньги) на продавце и на покупателе нет обязательств по отношению друг к другу. Согласно закону, они все ещё не считаются продавцом и покупателем.

Более того: сдерживая слово, человек не оказывает особенной пользы или особенного добра второй стороне, будь то продавец или покупатель. Покупатель ничего не теряет, ведь в случае отмены сделки он получает деньги назад. Польза относится лишь к одной стороне – приобретаемому предмету: предмет обретает связь с покупателем посредством слов продавца (или посредством денег, которые покупатель за него заплатил), и потому будет подобающим сдержать слово, и передать его во владение покупателя. Мудрецам угодно, даже когда хороший поступок относится лишь к одной составляющей – лишь

к предмету, а не к покупателю и к продавцу.

11.

В теме отпущения долгов на седьмой год мы находим противоречие:

С одной стороны, содержание отпущения заключается в том, чтобы кредитор **не** требовал денег назад – оно связано с пассивностью кредитора (поэтому, когда человек возвращает долг на седьмой год – это угодно мудрецам).

Подобным является и содержание прекращения обрабатывания земли – «пусть празднует земля субботу Господу... поля твоего не засевай и виноградника твоего не обрезай; Самосева твоей жатвы не жни и твоего винограда хранимого не снимай; год прекращения трудов будет для земли». Землю **запрещено** обрабатывать, закон связан с пассивностью.

С другой стороны, эта пассивность выражается и в активном действии – в словах. Когда человеку возвращают долг, ему следует **сказать** «отпускаю я». По некоторым мнениям, произношение этих слов является заповедью из Торы. [Продолжение *мишны* также является подобным: «Убийца,

который отправлен в изгнание в город-убежище – а жители города хотят оказать ему почет, **говорит** им “Я - убийца“. Если говорят ему “Тем не менее“, то принимает у них, ибо сказано “Вот слово об убийце“». Его слова **предотвращают** ошибочное воздавание почестей. Так же должен поступить и человек, которого уважают за знание двух трактатов, в то время как в действительности он сведущ лишь в одном – он должен сообщить об этом].

Объяснение этого согласно **внутренней части Торы**. Седьмой год – это сфера *Малхут*, которая включает в себя две стороны. С одной стороны, она аннулируется по отношению к вышестоящим сферам. С другой стороны, она подразумевает собой **речь**.

Потому и в теме седьмого года присутствуют эти две противоположности: «Пусть празднует (**не** совершает работы) земля» - прекращение обработки земли, прекращение сева. То же и касательно отпущения, **аннулирования** долгов. Вместе с тем заповедь выражается в **произнесении** слов – «вот закон (*двар* – произносимые слова) *Шмиты* (седьмого года)».

Таким образом понятно, почему *Мидраш* называет соблюдающих *Шмиту* «Исполняющими **слово** Его... слушать **слово** голоса Его», а не «исполняющими **заповеди** или **законы**». *Шмита* связана именно с произнесением **слов**.

Именно так *Мидраш* учит о связи слов стиха с соблюдением законов седьмого года – «Сказано здесь “Исполняющие слово Его (*дваро*)”, и сказано “Вот закон (*двар*) *Шмиты*”. Как там говорится о соблюдающих *Шмиту*, так и здесь говорится о соблюдающих *Шмиту*».

Это согласуется и с тем, что в завершении трактата *Швиит* (о законах седьмого года) сказано: «Когда человек сдерживает свое **слово** – это угодно мудрецам».

Посредством изучения законов седьмого года (а изучение подобно исполнению²⁰) мы приближаем время, когда «И возжелал Ты Г-сподь землю свою (“И будут совершать *Шмиту*”), вернул Ты плен Яакова», а также «Г-сподь также даст добро, а **земля наша принесет урожай**»²¹. Мы становимся «Крепкими силой, исполняющими слово Его, повинующимися голосу

слова Его», начинаем вскорости соблюдать законы *Шмиты* буквально, исполняя обязанность, возложенную Торой, на Святой земле, когда Всевышний сдерживает свое «слово» - «это конец времен»²², «И будет принадлежать Г-споду царская власть», с приходом праведного Машиаха, который отведет нас в Землю нашу.

Из бесед месяца Тишрей 5733 года – года Шмиты

²⁰ Конец трактата *Менахот*, в связи с приношением жертв.

²¹ *Теѓилим*, 85:2, 13.

²² *Шабат*, 138б.